
ИСТОРИЯ

В. Т. Юнзблюд

Материал подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта
«Друг — враг: образ Советского Союза в американской прессе в годы Второй мировой войны».
РГНФ (10-01-00051а)

ГЕРМАНСКИЙ «БЛИЦКРИГ» В РОССИИ 1941 г.: ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ И СТЕРЕОТИПЫ АМЕРИКАНСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Статья посвящена изучению образов, стереотипов и аналогий, связанных с историей Отечественной войны 1812 г., использовавшихся в текстах представителей политической элиты США и корреспондентов ряда периодических изданий во второй половине 1941 года.

Ключевые слова: Вторая мировая война, американская пресса, исторические аналогии, социальные стереотипы.

V. Yungblyud

GERMAN «BLITZKRIEG» IN RUSSIA 1941: HISTORICAL ANALOGIES AND STEREOTYPES OF THE AMERICAN PERCEPTION

The article presents the study of images, stereotypes and the analogies connected with the history of Patriotic War of 1812 used in the texts of the political elite of the USA and in some periodicals in second half of 1941.

Keywords: World War II, American press, historical analogies, social stereotypes.

В памяти людей послевоенных поколений Великобритания, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки запечатлелись как боевые союзники в войне против Германии и Японии, главные члены антигитлеровской коалиции, как Большая тройка, обеспечившая победу над германским нацизмом и японским милитаризмом и подготовившая политические решения, предопределившие будущее мира на последующие десятилетия. Единство боевых союзников и сегодня безоговорочно признается

важнейшим фактором победы, а распад «великого альянса» после завершения войны нередко воспринимается как некий «упущенный шанс» на достижение вечного мира.

Между тем антигитлеровская коалиция возникла не сразу. Великобритания вступила в войну в начале сентября 1939 года, 22 июня 1941 года Германия вторглась на территорию СССР, и с этого момента восточный фронт стал главным театром Второй мировой войны. США включились в боевые

действия только после 7 декабря 1941 г. Таким образом, с момента начала Второй мировой войны до вступления в неё США прошло более двадцати пяти месяцев. Только после Перл-Харбора стало возможным создание полноценного военного союза.

В течение всего этого времени отношение руководителей Соединенных Штатов к Советскому Союзу неоднократно менялось. Эволюционировало и массовое сознание американцев. Характер этих перемен отчасти отражался на страницах периодических изданий, которые, в свою очередь, влияли на общественное мнение. Механизм взаимодействия власти и прессы, появление в результате этого взаимодействия определенных общественных настроений, представлений и образов, содержащих традиционные или качественно новые характеристики, изучен недостаточно хорошо. Частью этого механизма являются исторические аналогии и устоявшиеся стереотипы восприятия России-СССР. Особенно важным периодом, дающим материал для понимания взаимосвязи официальных установок, подталкивавших общество к восприятию СССР как потенциального союзника, и публикаций в прессе, довольно хаотично представлявшей разрозненные материалы о войне на восточном фронте и не выработавшей пока устойчивой интонации для сообщений об СССР, является вторая половина 1941 года. Обмен «сигналами» между официальным Вашингтоном и средой стал частью работы по «переформатированию» американского общественного сознания.

В. И. Журавлева совершенно справедливо отмечает: «В США формировались в прошлом и продолжают формироваться в настоящем такие образы России, которые отвечают требованиям внутренней и внешней политики американцев, что определяет иерархию этих образов, превращая их в доминирующие или в периферийные» [3, с. 144]. Совершенно ясно, что в силу сложившейся международной ситуации и уг-

рожающей военной обстановки образ России, сложившийся в 1937–1940 гг., оказался совершенно не пригодным для решения как внутренних (мобилизация общественного мнения в поддержку администрации), так и внешнеполитических (поиск союзников) задач. Во второй половине 1941 г. отмеченная В. И. Журавлевой подвижность образов и представлений, характерных для восприятия американцами Советского Союза, объяснялась, в первую очередь, вступлением России в войну и ставшими по этой причине актуальными прикидками её шансов на победу. Поскольку ситуация на восточном фронте в июне — декабре 1941 г. менялась очень быстро, а точной информации о состоянии советских вооруженных сил не было, в ход шли исторические примеры, призванные подчеркнуть сходство текущей войны с событиями прошлого.

Внезапность нацистской агрессии в июне 1941 г., направления главного удара, соотношение сил воюющих сторон становились главными поводами для применения исторических аналогий. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. в этом контексте упоминалось особенно часто (другие примеры, как правило, относились к Семилетней, Крымской и Первой мировой войнам). Начиная с декабря 1941 г., сравнения велись уже по другим параметрам. Образ «великой армии», сначала остановленной и обращенной вспять русскими войсками, а затем окончательно поверженной коалицией европейских государств, часто использовался для актуализации другого образа — разгромленной, отступающей с большими потерями немецкой армии. Уместность аналогий в тот момент представлялась вполне оправданной. В то же время результаты этих сравнений, их эмоциональная окрашенность, интеллектуальная глубина и политическая направленность имели довольно широкий диапазон. Рассмотрим, как на начальной стадии Великой Отечественной войны образы, аналогии и стереотипы, связанные с историей Отечественной войны

1812 г., использовались в текстах, исходящих от официальных лиц, в первую очередь — от президента страны Ф. Д. Рузвельта и его ближайшего окружения, а также в публикациях, появлявшихся на страницах периодических изданий.

Умение Рузвельта использовать прессу для формирования желательного для проводимой им политики общественного климата отмечалось как современниками президента, так и исследователями истории его деятельности на посту главы государства. Для этого он организовывал регулярные встречи с корреспондентами газет. «С точки зрения широкой политической перспективы пресс-конференции Рузвельта были интегральной частью хорошо отработанной операционной цепочки действий, предпринимаемая которые он добивался мобилизации общественного мнения по поводу важных политических инициатив» [13, р. 20–21], — отмечает Г. Уайт. Тема советского сопротивления стала одной из ведущих в центральных изданиях США во второй половине 1941 года. Уже через четыре дня после начала германского вторжения Рузвельт сказал, что «это событие означает начало освобождения Европы от нацистского доминирования», добавив, что он не думает, что американцам надо «беспокоиться о том, что существует хоть какая-то опасность установления советского господства в Европе» [7, р. 102]. Данное заявление было одним из первых опытов его «просветительской» работы в пользу будущего военного союза. Но для того, чтобы эта деятельность оказалась успешной, требовались постоянные доказательства эффективности советского сопротивления.

Военные эксперты и политические аналитики предсказывали скорое поражение Красной Армии [11, р. 133]. Американская пресса, при всем разнообразии политических ориентаций, в течение лета-осени 1941 г. постоянно доводила до сведения читателей материалы, заставлявшие сомневаться в этих прогнозах.

Первые месяцы войны были, по видимому, отмечены возникновением некоторой напряженности в отношениях главы Белого дома и пресс-сообщества [11, р. 42], вызванной понятными для военного времени требованиями секретности. И хотя в отдельных американских исследованиях подчеркивается, что в это время Рузвельт осознанно вводил в заблуждение американцев, пытаясь при помощи широкой пропагандистской кампании внушить им мысль, что «сталинская Россия — многострадальная страна», заслуживающая безоговорочной поддержки [2, с.195], на самом деле его выступления носили в тот момент достаточно взвешенный характер. В публичных речах президент старался избегать использования примеров из прошлого в связи с событиями на восточном фронте. Он занимался не столько поиском исторических параллелей, «сколько изложением фундаментальных американских принципов». В данном случае Рузвельт, очевидно, руководствовался теми же соображениями, что и Черчилль, предупреждавший о ловушках исторических аналогий, которые на самом деле чаще всего только мешают постигать смысл происходящего, поскольку «события, относящиеся к разным векам, случаются при обстоятельствах, которые, как правило, тотально различаются» [9, р. 401].

Выступления самого президента во второй половине 1941 г. вряд ли можно охарактеризовать как «безудержную пропагандистскую кампанию». Творческий ум и политическая гибкость предохраняли Рузвельта от рискованных исторических экскурсов. Хорошо зная историю США, он, естественно, нередко обращался к образам прошлого, но чаще всего прибегал к этому средству для того, чтобы напомнить аудитории о главных ценностях американской демократии и возродить у сограждан чувство патриотизма. Тем не менее определенные «сигналы» в адрес читающей Америки из Белого дома все же поступали. Они исходили от помощника президента Г. Гоп-

кинса, руководителя Администрации ленд-лиза А. Гарримана и некоторых других деятелей. Одним из самых активных и красноречивых «трансляторов» посланий главы Белого дома американскому народу был бывший посол США в России Дж. Дэвис. Появление его книги «Миссия в Москву», составленной преимущественно из текстов депеш и дневниковых записей, сделанных еще в период его пребывания на дипломатических постах, пришлось на конец 1941 года. Несколько дней спустя после её появления на прилавках магазинов японская авиация обрушилась на Гавайи, и США вступили в войну. Р. Леверинг считает, что именно временем выхода в свет этот том обязан своей чрезмерной популярности [10, р. 58–59].

Для того чтобы книга Дэвиса стала бестселлером, имелись и другие причины — американцы нуждались в информации, к которой можно было бы отнестись, как к объективной, точной и исчерпывающей. Посол дает понять, что именно такая информация о России и содержится в его книге («Цель “Миссии в Москву”, пишет он, — снабдить американцев фактами, опираясь на которые они смогут понять, что такое на самом деле есть Советский Союз» [5, р. 542]).

Такого рода декларация вряд ли могла появиться без санкции Рузвельта. Претензия Дэвиса на роль эксперта по России была довольно неожиданной. Известно, например, что таковым его не считали бывшие подчиненные по дипломатической работе в Москве, о чем неоднократно сообщали в Госдепартамент. Да и сам Дэвис в 1943 г. признавался, что плохо знает Россию [2, с. 215]. Кроме того, мало кто из американцев, включая тех, кому довелось прожить в СССР несколько лет, отваживался на столь беспепелляционную самооценку. Например, генерал-майор Джон Р. Дин, возглавлявший американскую военную миссию в Москве в 1943–1945 гг., писал о том, что в отношении России трудно строить прогнозы. Что-

бы прийти к правильным выводам, необходимо было стать «экспертом», чего Дин не мог сказать о себе. В частности, он отмечал: «Мне бы следовало быть одним из тех, кто понимает Россию, но на самом деле она недоступна для понимания. Как бы то ни было, как американец, проживший в России три года при обстоятельствах, позволявших поддерживать гораздо более тесные контакты с советским правительством, чем было позволено другим иностранцам, я представляю, не претендуя на неопровержимость, свои суждения об этой стране противоречий» [6, р. 289]. Книга Дэвиса была выдержана в других интонациях и, очевидно, американцы действительно воспринимали её почти как единственный доступный, достоверный и освещенный доверием власти ключ для понимания феномена России.

Характеризуя состояние вооруженных сил СССР, специфику экономического развития и внутривнутриполитической ситуации в стране, оценивая международную роль СССР перед войной, автор несколько раз упоминает о войне 1812 г. Приведем эти фрагменты в порядке их появления в тексте.

Первый из них датирован 1 сентября 1937 г. и является частью «Краткого конфиденциального отчета государственному секретарю». Находясь в Праге во время турне по странам Восточной Европы, Дэвис пишет: «... Россия, по крайней мере сейчас мне так кажется, является искренним защитником мира. ... Геополитически она занимает очень выгодное положение. *Её огромные размеры победили Наполеона*».

Вторая запись сделана 6 июня 1938 г. в «Краткой характеристике СССР», подготовленной для государственного департамента на основе обзора фактов, собранных аппаратом посольства: «Оборонительные позиции Советского Союза исключительно сильны в силу естественных причин. Он имеет армию, воодушевленную стойкой верой в коммунистическую религию. Возможно, Советский Союз сможет в оборони-

тельной войне противостоять двум сильнейшим враждебным государствам одновременно... Столкнувшись более чем с двумя враждебными государствами, он сможет продолжать борьбу, уступив часть своей территории ... *Русская зима победила Наполеона*».

3 октября 1941 г., на этот раз в личном дневнике, посол делает следующую запись: «Вторжение в Россию стало первой серьезной военной ошибкой Гитлера. К моменту наступления холодов Красная Армия продолжает сопротивление и *«генерал зима» вместе с «генералом истощение» станут союзниками советского верховного командования*» [5, р. 216, 410, 505].

Дэвис немало страниц посвятил комплиментарным характеристикам советской боевой морали, выучки солдат, технического оснащения боевых частей и воинского искусства командиров. Но завершающие фразы в приведенных цитатах подчеркивают, что Советский Союз в войне с Германией не может проиграть по тем же причинам, по которым погибло «великое нашествие Наполеона» — из-за огромных пространств России и сильных морозов. Историческая аналогия, таким образом, вызвала в памяти стереотипы, оперировать которыми мог человек, желавший общаться с широкой аудиторией на доступном для неё языке.

Заслуживает внимания тот факт, что стереотипные образы появляются в документах посла в течение очень разных по событийной насыщенности лет. В течение длительного времени они оставались достаточно стабильными. Данное обстоятельство указывает на неизменность намерений посла убедить своих потенциальных читателей в том, что в будущей европейской войне Советский Союз ни при каких обстоятельствах не будет побежденной стороной, поскольку на его стороне такие фундаментальные преимущества, как природа, пространства и исторический опыт. В 1937 и 1938 гг. эти выводы предназначались для президента и руководителей госдепарта-

мента. Они были прочитаны, но заметного впечатления, очевидно, не произвели. В 1941 г. все изменилось. Став строчками политического бестселлера, исторические параллели автора «Миссии в Москву» превратились в мощный пропагандистский инструмент, призывающий американского обывателя поддержать идею военного союза с Россией. Важно отметить, что обращение Дэвиса к стереотипным историческим образам имело в отношении России нейтральный, а в определенной степени и негативный подтекст. Подразумевалось, что СССР в войне не имеет шансов на поражение не из-за преимуществ общественно-политической системы и не благодаря мощи Красной Армии, а в силу объективных причин. Прием оказался эффективным в том числе и потому, что упомянутые фрагменты книги были весьма созвучными с публикациями ряда периодических изданий.

Содержание понятия «стереотип» было введено в оборот известным журналистом и политологом У. Липпманом в его классической работе «Общественное мнение», появившейся в 1922 году. До сих пор оно не получило однозначной трактовки. Липпман назвал стереотипы «картинками в наших головах». Позднее появились другие определения — «эмоциональные символы», «фиксированные образы», «когнитивные схемы», «сгустки общественного опыта» [1, с. 44–405]. М. В. Белов отмечает, что при описании событий прошлого «...взгляд из светского салона, с ответственного дипломатического или военного поста, или с точки зрения вдохновляющей военной авантюры давал неоднозначные результаты» [1, с. 418]. В нашем случае, помимо констатации факта, что осенью 1941 г. с подачи разных авторов оживали образы, восходящие к истории войны 1812 г., важен также момент наличия относительной синхронности появления и смысловой координации стереотипных представлений, исходивших от официального Вашингтона и от редакций периодических изданий.

Либеральный «Time» уже в конце июля 1941 г., рассуждая о перспективах вермахта в России, обратился к опыту прошлого, напоминая о том, что прежде, чем войти в Москву, «Наполеон Бонапарт потерял три четверти своей армии в усталом марше от границы в глубь России и в дорогом ему стоившей Бородинской битве» [8, р. 18]. Через полгода, 29 декабря 1941 г., в многотиражном «News Week» появились строки, подтверждавшие, что исторические события повторяются и при сопоставимых географических условиях новый агрессор повторяет судьбу предшественников. Повествуя о впечатлениях от посещения прифронтовой зоны после начала контрнаступления советских войск под Москвой, автор статьи пишет: «Корреспонденты были особенно поражены странным подобием возникшей зимней сцены и знакомыми картинами армии Наполеона, медленно отступающими на запад. Снег был повсюду. ... Унылое серое небо при слабом, время от времени пробивавшемся солнце. Лежащие вдоль дороги бесчисленные мертвые тела. Только на их мундирах была видна свастика, вместо имперских символов Франции» [14, р. 19]. И в названии статьи («Зима приносит счастливый День рождения Красным и их Правителям»), и в самом тексте присутствуют отчетливые следы того же самого стереотипа — завоевателя остановили мороз и пространства России.

Уже не массовый, а аналитический журнал «Foreign Affairs» в январском номере за 1942 г. напечатал пространную статью анонимного автора, в которой со ссылками на Клаузевица и факты недавней восточной кампании Гитлера сообщалось, что «поход Наполеона закончился бы полной катастрофой, даже если бы тот остался в Москве и город не был бы предан огню» [12, р. 316]. Нацистский фюрер, по мнению автора, допустил тот же роковой промах, что французский император: вместо того, чтобы полностью разгромить российскую армию в приграничном сражении и добиться капи-

туляции Сталина, он двинулся в глубь страны. Обращая внимание на тождественность военных стратегий, использованных обоими завоевателями, аналитик заключал, что, поскольку к декабрю исход войны все еще не решен, то подобно Наполеону «немецкое командование неизбежно столкнется с проблемой пространств», а для продолжения наступления весной 1942 г. потребуются пережить зиму, которая станет «жестоким испытанием для германских войск», а их жизнь в разрушенных городах и деревнях, или в землянках, наспех построенных среди бескрайних российских просторов, без привычных бытовых условий, повергнет их в уныние [13, р. 318, 322–323].

Приведенные примеры являются типичными. Они подтверждают, что во второй половине 1941 г. восприятие России, как страны, способной противостоять нашествию с запада, в основном шло в русле воспроизводства стереотипного образа войны 1812 г., доступного сознанию американского обывателя, не искушенного в тонкостях российской военной истории. Данная констатация важна с точки зрения понимания дальнейшей эволюции американского общественного сознания как в направлении формирования образа боевого союзника (для чего требовался уже другой ряд исторических аналогий), так и для понимания регрессивных процессов, имевших место после 1945 г., когда образ союзника стал быстро вытесняться образом врага.

Стереотипное, то есть упрощенное, восприятие истории представляется важным условием не только консервации массового сознания, но и его развития. Стереотипы восприятия войны 1812 года в равной мере использовались как последовательными либералами, сторонниками масштабной помощи СССР в войне с целью укрепления военного союза, так и консерваторами, видевшими в России источник будущих угроз. Как справедливо отметил В. Рукавишников, в годы войны «антифашистские настроения массы американцев ... трансформировались

в пожелания победы русским» [4, с. 90], но антикоммунистические фобии и антисоветские установки «за время Второй мировой войны никуда не исчезли, они просто “ушли в тень”» [4, с. 99].

Достаточно густой тенью, послужившей укрытием для них, стали образы российской зимы и бескрайних просторов, побеждающих врагов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов М. В. Стереотипы, ментальные карты, имагология. Методологические апории // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы. М., 2011.
2. Дани Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004.
3. Журавлёва В. И. Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010.
4. Руквишников В. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.
5. Davies J. Mission to Moscow. N.Y., 1941.
6. Deane J. R. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime to cooperate with Russia. N.Y., 1946.
7. Heinrichs W. Threshold of War. Franklin D. Roosevelt and American Entry into World War II. N.Y., 1988.
8. Hitler's Borodino // Time. 1941. Vol. 38. 4. July 28.
9. Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994. P. 401.
10. Levering R. American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976.
11. Reynolds D. The Atlantic «Flop»: British Foreign Policy and the Churchill-Roosevelt Meeting of August 1941 // The Atlantic Charter / Ed. by D. Brinkley and D. R. Facey-Crowther. N.Y., 1994.
12. Russia and Germany. Political and Military Reflection // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. № 2. January.
13. White G. FDR and the Press. The Univ. of Chicago Press. Chicago, 1976.
14. Winter brings Happy Birthday to the Reds and Their Ruler // News Week, 1941. Vol 18. № 26. 29 Dec.

REFERENCES

1. Belov M. V. Stereotipy, mental'nye karty, imagologija. Metodologicheskie aporii // Istoricheskaja nauka segodnja. Teorii, metody, perspektivy. M., 2011.
2. Dann D. Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskije posly v Moskve. M., 2004.
3. Zhuravl'jova V. I. Izuchenie imagologii rossijsko-amerikanskij otnoshenij po obe storony Atlantiki: itogi i perspektivy // Amerikanskij ezhegodnik 2008/2009. M., 2010.
4. Rukavishnikov V. Holodnaja vojna, holodnyj mir. Obshchestvennoe mnenie v SShA i Evrope o SSSR/Rossii, vneshnej politike i bezopasnosti Zapada. M., 2005.
5. Davies J. Mission to Moscow. N.Y., 1941.
6. Deane J. R. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime to cooperate with Russia. N.Y., 1946.
7. Heinrichs W. Threshold of War. Franklin D. Roosevelt and American Entry into World War II. N.Y., 1988.
8. Hitler's Borodino // Time. 1941. Vol. 38. 4. July 28.
9. Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994. P. 401.
10. Levering R. American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976.
11. Reynolds D. The Atlantic «Flop»: British Foreign Policy and the Churchill-Roosevelt Meeting of August 1941 // The Atlantic Charter / Ed. by D. Brinkley and D. R. Facey-Crowther. N.Y., 1994.
12. Russia and Germany. Political and Military Reflection // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. № 2. January.
13. White G. FDR and the Press. The Univ. of Chicago Press. Chicago, 1976.
14. Winter brings Happy Birthday to the Reds and Their Ruler // News Week. 1941. Vol 18. № 26. 29 Dec.